

ЦЕМЕНТ—НА СВАЛКУ, УГОЛЕК—В ОТВАЛ

Им весело

ЦЕМЕНТ, СКОЛЬКО его требуют ежедневно стройки, большие и малые, из-за него нередко задерживаются работы. А мы делаем цемент н. г. губим. В этом легко убедиться, стоит лишь побывать на площадке, где загружаются вагоны этим ценным строительным материалом. Надежно зацементированные подвезды, крылья цемсилосов, платформы (хотя то, другое и третье очищают после каждого дождя, а испорченный цемент вывозят на свалку) — говорят сами за себя. Здесь и сейчас лежит не менее сотни тонн загубленного материала.

Четыре года ведут речь на заводе о строительстве навеса на погрузочной площадке, четыре года «отгружается» цемент на свалку, четыре года сотни тысяч рублей идут на уплату штрафов за простой вагонов! За эти четыре года даже часть готового каркаса не покрыта.

— За шифером ехать надо за тридевять земель, — шутят рабочие.

Нет лимита на строительство навесов, — отвечает начальник снабжения и сбыта тов. Левашев, хотя рабочие, коллектив завода предлагали построить его своими силами.

А ведь именно в этих навесах почти все зло. Дожди «ссыдают» не только сотни тонн цемента, но и асбеста, задерживая погрузку вагонов. Например, подойдет полувагон с асбестом под выгрузку, а вдруг — дождь. Начинается перестройка. Неразгруженные полувагоны тащат на другой тупик, под навес, откуда предварительно выгоняют крытые вагоны, занятые под разгрузку или же погрузкой. Простой, потери материала.

Бесхозяйственность — вот с чем встретились мы с первых шагов, она буквально всюду, но особенно нас возмущил такой факт. На угольном складе в прошлом году был создан запас угля — около 500 тонн. Он хранился до тех пор, пока

не потребовалось очистить место для нового. 1960 года, запас. И пошел черемховский уголек в отвал, шестью машинами отправляли его туда и заваливали шлаком, а на его место везли новый. Правда, один из мастеров не утерпел, запретил шоферам губить уго-

лек, из соображений, что его вполне можно использовать наравне и с новым запасом. Однако сейчас же последовал гневный приказ начальника склада тов. Шустова, который, кстати, немало возмущился таким вторжением мастера не в свои функции. Почти пятьсот тонн угля свезли на отвал, засыпали шлаком. Та же судьба постигла и туф. Весь старый запас — 300 тонн отправили на свалку. До глубины души нас возмущает и судьба нашего гусиноозерского угля. Мы побывали на местах, где он хранится. И что же?

Только в этом году мы, транспортники, своими руками разгрузили 300 вагонов угля — 11000 тонн, но по сей день ни одна лопата угля не использована. Он лежит горит, обогревая небо, видимо, ожидая своей очереди на свалку. Главный инженер завода тов. Струнечин отвечает вполне определенно:

— Нет, мы не используем его и не думаем использовать. Не та калорийность...

Не та калорийность! По крайней мере странно. Руководители совнархоза шлют указание использовать уголь и в этом году во что бы то ни стало принять еще примерно столько же гусиноозерского угля, а у руководителей завода свои доводы. Где же исти-

СВАЛКА

на? Зачем же в таком случае завозить его на завод, гробить труд людей, большие тысячи средств на добычу, на доставку? Может, внесут ясность по этому вопросу товарищи из совнархоза?

Так же мы считаем, что руководители совнархоза должны заинтересоваться бесхозяйственностью, которая, повторяем,

каждом шагу. Взяв мраморную крошку. Целые горы ее навалены на местах выгрузки, а каждая тонна обходится заводу более 40 рублей. Или гипсовый камень. Его зачастую смешивают с мусором и землей, и, понятно, часть его не минует свалки. Сейчас у нас лежит около шести тысяч тонн гранулированного шлака, завезенного из Кузнецка. Когда-то он был нужен заводу, а теперь же — нет. Какова же его дальнейшая судьба? Также не используется у нас и отсев черемховского угля для топки котлов ТЭЦ, хотя мы убеждены, что это вполне возможно и выгодно.

Есть и другие помехи, которые также недешево обходятся заводу. Первое — это дедовские приемы труда. К примеру, до сих пор разгрузка асбеста ведется вручную, перетаскивается руками рабочих на 20—30 метров. Просто не верится, что у нас нет возможно-

сти установить транспортер! Также можно было механизировать отгрузку излишков цемента при погрузке вагонов обратно в цемсилосы. Сколько бы отпало ручного труда, насколько бы сократились потери! Что говорить о механизации, когда у нас на разгрузочных площадках нет обыкновенного освещения. В ночное время, например, угольные площадки освещаются фарами бульдозеров или прожекторов кранов. Приходится работать почти на ощупь и вот результат: вагоны простаивают часами вместо положенных 20 минут... Можно было бы еще рассказать о безобразиях, но нам кажется, из сказанного ясно, что дальше так работать нельзя! Никому не дано права пускать на ветер народное добро.

Руководитель комсомольского контрольного поста

Г. КОЗЯКОВА:

члены поста: Н. ПОПОВ — пом. машиниста, А. ПУЗЫРЕВ — мастер, Г. ИЕВСКИЙ — ревовщик.

А. МИХАЛЬЧЕНКО — нач. станции Тимлюй, В. КОЗУЛИН — секретарь Кабанского райкома ВЛКСМ.

НИ ОДИН ХЛЕБОСОЛЬНЫЙ сибиряк не примет гостя без знаменитого байкальского омуля. Слага об этой рыбе разошлась не только по нашей стране, но и за рубежом. Миллионы оплодотворенных икринок и живых мальков омуля доставлены на самолетах в Ладожское и Онежское озера, в далекие северные водоемы близ Норильска, а также в высокогорные озера Шотландии, Монголии. Но тем тяжелее, обиднее нам, коренным сибирякам-байкальцам, слышать о том, что омуля в славном море становится все меньше и меньше, что он на глазах мельчает, вырождается в мелкую незавидную рыбешку.

За последние 15 лет оснащенность орудиями лова на Байкале возросла в 10 раз. Рыбачий флот полностью моторизован. Но добыча омуля падает из года в год. По данным Байкальской лимнологической станции Восточно-Сибирского филиала Академии Наук СССР вылов омуля в 1942 году был 91,3 тысячи центнеров, в 1949 — 41,8 тысячи центнеров. А в прошлом 1959 году добыто менее 40 тысяч центнеров омуля.

В чем же дело? Чем объяснить падение добычи этой ценной рыбы? Такие вопросы решила поднять наша газета, посыл на Байкал специального корреспондента.

С сегодняшнего номера мы начинаем публикацию материалов об освоении и охране чудесных даров Байкала. Вы узнаете мнения не только бывалых рыбаков и матросов Байкала, но и маститых ученых, труды которых известны всему миру.

1. „Не тот ныне омуль пошел“

РАНИИ ЧАС. Неторопливо, деловито крапает дождь. Люди, что собрались у крыльца чайной в ожидании автобуса, изредка лениво перебрасываются фразами.

Пастух прогнал коров. С напругой ревом прошли мощные «мазы» с хлыстами на прицепках. Снова тихо. Из-за угла показался парень с мокрым мешком в руках. Не спеша, вперевалочку, идет он усталой

походкой. Поравнявшись с крыльцом, парень поздоровался со стариком и хотел было пройти мимо. Но один из сидевших остановил его:

— Ну как рыба-то?

— Да есть маленько, добыли...

— Покажи-ка.

Парень развернул мешок.

— Да, брат, не тот ныне омуль пошел, — вздохнул один, почесывая бороду. — Помню, чир-вырубка! — два, три кило тянул. Вот была рыба! А сейчас двухфунтовой радуешься...

— И что бы ему не ловиться. Сети такие, моторки...

— Оттого и худо, что «сети такие» — шестирядка незаконная. Как идет косяк, так весь и липнет с молодью.

— У нас в Гремячем не при-мут.

— У нас-то да, а в Усть-Баргузине без разбору все на ластик идет...

Так, совершенно неожиданно, разговорился вдруг ранним утром спор Горло обескуражил старика, эту тему. Видно, напел в душе. И давно. Говорили они и про то, что Турка и Баргузин забыты бревнами, корьем, щепой, и про то, как покаты омуль ловят хапками на Верхней Ангаре, и про то, что на Селенге водят браконьеров — «малышники» не могут одолеть хищников...

Верхний Березовка — живописная местность. Здесь расположена дача детского сада № 4. Дети любят свою дачу. Тут и беседки, и скамейки, и игровая площадка, и мячи. Малыши, отдыхая здесь, весело проводят время. Они бегают на прогулках в лесу, где зовят бабочек, гусениц, собирают цветы.

Старшую группу уже готовят к школе. Им воспитатели рассказывают о животных, о птицах, о растениях. Они считают шишки, деревья, разучивают песни. От свежего воздуха у детей хороший аппетит. Они окрепли, заметно прибавили в весе.

Родители могут быть спокойны за своих малышей. Для них здесь созданы все условия.

Тамара БАТУБАЕВА.

Живет в Горячинске старый рыбак Егор Николаевич Шизкин. Чуть ли не 40 лет рыбачил он на Байкале. Когда в поинтересовался, есть ли изменения в технике лова, он ответил, что новшества этих были не так много. В 1942 году были пущены в ход ставные невода. А после войны моторы поставили на напороновые сети, появились.

— Умный человек придумал ставной невод, — говорит Егор Николаевич. — Для военного времени лучше не надо. Но сейчас пора отказаться от него. Столько молодежи гибнет!

— А как, заметно, что рыбы стало меньше?

— Трудно сказать, год на год не приходится. Нынче омуль есть, а на будущий год... Кто его знает, куда он повернется.

— А маломорские рыбаки знают.

— Так у них препараты всякие, ученые профессора подсказывают. А мы наощупь теплую воду ищем, даже термометров нет.

Примерно такой же разговор был у нас с бригадиром Гремячинского рыбозавода Иваном Ивановичем Ельцовым. Только он высказывался более энергично, решительно.

— Как же омулю не быть мелким, если его в первый же нерест чуть ли не весь вылавливают. А ведь он матерее к четвертому, пятому икромету. И вес у него не подкило, а за два килограмма, и икры он дает больше... Была бы моя власть, сразу запретил бы ставники да сети-шестирядки изъять...

Особенно его возмущают беспорядки во время нереста в дельте Селенги.

— Что там творится! Сам черт не разберет, где «малыш», а где вор. Суший грабеж!

После всех этих разговоров у меня сложилось некоторое представление о причинах снижения лова омуля на Байкале. Их много, но какие из них наиболее весомые, как они взаимодействуют, дополняют друг друга?

Может быть, основная причина в том, что омулю негде метать икру? Из крупных рек лишь Селенга и Верхняя Ангара, фактически не огражденные от научных лов браконьеров, являются перестильцем, местом рождения и... смерти десятков тысяч омулей.

Интересен такой факт, что из 10 тысяч мальков выживает лишь 5—7 штук. Уж не в этом ли причина? Пожалуй, нет. Ведь мальки и прежде так гибли, а между тем, даже при этом проценте выживаемости, омулевое стадо постоянно увеличивалось.

Отчего гибнут мальки? Некая ли причина эта чудовищная смертность? Впрочем, не будем забегать вперед. Об этом мы узнаем, встретившись с начальником Байкальской лимнологической станции Г. Галазием и профессором Иркутского университета М. Кожовым. Там же, в Лиственничной и Больших Котлах, мы узнаем, что делают ученые, чтобы облегчить труд рыбаков (разведкой косяков, изучением теплых течений и перемещения планктона — основной пищи омуля).

Вд. БАРАЕВ.

нам след. корр.

СОВМЕСТНЫЕ СЕМИНАРЫ СОВЕТСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Комитет молодежных организаций СССР и Комитет американских кванкеров договорились о проведении двух совместных международных семинаров. Первая встреча состоится в августе нынешнего года в Ленинграде. Она посвящается участию молодежи в решении проблем мирного сосуществования. Второй семинар будет организован в США, в 1961 году Комитетом американских кванкеров.

В Ленинградском семинаре примут участие 40 человек. 20 из них будут приглашены из разных стран (включая СССР) Комите-

том молодежных организаций СССР. 20 других участников (включая США) получат приглашения от Комитета американских кванкеров. Комитет молодежных организаций СССР выделит двух консультантов, которые выступят с докладами. В соответствии с соглашением Комитет американских кванкеров также пригласил для участия в семинаре двух американских консультантов.

По такому же принципу будет построен и второй международный семинар, организуемый в 1961 году в США Комитетом американских кванкеров.